

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.066-078

С. Н. Гаврилов*

Машиночтение права и пространственные построения в живописи: поиск методологии машинного правовосприятия

Аннотация. Внедрение информационных технологий (information technology, IT) в правовой сфере, в частности обеспечение функций машиночтения (machine reading) и машиноисполнения (machine execution) права, требует не только переосмысления таких явлений, как право и закон, на философском уровне, но и получения результатов прикладного характера, дающих возможность воплотить «в цифре» теоретические наработки. Все это влечет необходимость выработки методологии восприятия права, адекватной для решения задач цифровой трансформации (digital transformation).

В статье предлагаются авторские определения понятий «машиночтение права» и «машиноисполнение права» и дается ряд комментариев к ним.

С целью выработки методологии, дающей подходы к решению задач машиночтения и машиноисполнения права, на основе исследований академика Б. В. Раушенбаха о пространственных построениях в живописи автор обращается к практикам описания мастерами древней и средневековой живописи реальной действительности и к особенностям применения ими для этого художественных приемов. Отдельные приемы приводятся в статье.

Автор приходит к выводу о том, что при разработке методологии машиночтения права и построении теоретических и утилитарных моделей машинного восприятия права следует не только основываться на механизмах рационального познания правовой действительности, но и, подобно древним мастерам, стремиться воспринимать и передавать информацию об объекте одновременно на рациональном (понятийном) и иррациональном (интуитивном, чувственном) уровнях, а само право, как явление многомерное, необходимо рассматривать в нескольких измерениях. В контексте процессов цифровой трансформации правоведы должны идти к постановке проблемы правовосприятия и системному ее изучению с учетом фактора многомерности правовой реальности и самого права, притом исследуя проблему на междисциплинарной основе и не стремясь намеренно ограничиваться рамками какой-либо одной конкретной теории правопонимания.

Ключевые слова: цифровая трансформация; искусственный интеллект; машиночтение права; машиноисполнение права; правопонимание; интегративное понимание права; компрехендный подход; пространственные построения в живописи.

Для цитирования: Гаврилов С. Н. Машиночтение права и пространственные построения в живописи: поиск методологии машинного правовосприятия // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 66–78. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.066-078.

© Гаврилов С. Н., 2022

* Гаврилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра внедрения и эксплуатации Комплексной информационной системы адвокатуры России Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
пер. Сивцев Вражек, д. 43, г. Москва, Россия, 119002
gavrilov@fparf.ru

Machine Reading of Law and Spatial Constructions in Painting: Search for the Methodology of Machine Perception of Law

Sergey N. Gavrilov, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Center for the Implementation and Operation of the Integrated Information System, Russian Bar, Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation
per. Sivtsev Vrazhek, d. 43, Moscow, Russia, 119002
gavrilov@fparf.ru

Abstract. Introduction of information technology (IT) in the legal sphere, in particular, providing the functions of machine reading and machine execution of law, requires not only rethinking of such phenomena as law and a statute at the philosophical level, but also obtaining applied results that make it possible to implement theoretical developments in a digital form. All this entails the need to develop a methodology for the perception of law that is adequate for solving the problems of digital transformation. The author provides the definitions of the concepts of «machine reading of law» and «machine execution of law» and gives a number of comments on them. In order to develop a methodology that provides approaches to solving the problems of machine reading and machine law, based on the research of academician B.V. Rauschenbach on spatial constructions in painting the author refers to the practices of describing the reality by the masters of ancient and medieval painting and to the peculiarities of their use of artistic techniques. Some techniques are given in the paper. The author comes to the conclusion that when developing the methodology of machine reading of law and constructing theoretical and utilitarian models of machine perception of law, one should not only rely on the mechanisms of rational cognition of legal reality, but also, like the ancient masters, strive to perceive and transmit information about an object simultaneously on rational (conceptual) and irrational (intuitive, sensual) the law itself, as a multidimensional phenomenon, must be considered in several dimensions. In the context of the processes of digital transformation, legal scholars should go to the formulation of the problem of legal perception and its systematic study, taking into account the factor of the multidimensionality of legal reality and the law itself, moreover, exploring the problem on an interdisciplinary basis and not deliberately seeking to be limited to the framework of any one specific theory of legal understanding.

Keywords: digital transformation; artificial intelligence; machine reading of law; machine execution of law; legal understanding; integrative understanding of law; comprehensive approach; spatial constructions in painting.

Cite as: Gavrilov SN. Mashinochtienie prava i prostranstvennyye postroeniya v zhivopisi: poisk metodologii mashinnogo pravovospriyatiya [Machine Reading of Law and Spatial Constructions in Painting: Search for the Methodology of Machine Perception of Law]. *Lex russica*. 2022;75(9):66-78. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.066-078. (In Russ., abstract in Eng.).

Когда нематематик слышит о четырехмерном,
его охватывает мистическое чувство,
подобное чувству, возбужденному
театральными привидениями.

А. Эйнштейн

1. К постановке проблемы. Внедрение информационных технологий (information technology, IT) в правовой сфере, и в частности обеспечение функций машиночтения (machine reading) и машиноисполнения (machine execution) права, требует не только переосмысления на философском уровне таких явлений, как право и закон, но и получения результатов прикладного характера, дающих возможность

воплотить «в цифре» теоретические наработки. Все это влечет необходимость выработки *методологии восприятия права*, адекватной для решения задач цифровой трансформации (digital transformation).

В числе известных подходов (теорий) правопонимания появился так называемый *комплексный подход*¹, авторы которого (С. И. Захарцев, В. П. Сальников) сравнивают

¹ По мнению М. Ю. Спирина, «комплексный (комплексный; “всеохватывающий”) подход в понимании права — методологический прием, в соответствии с которым все сосуществующие (comprehendo)

предпринимаемые учеными попытки «полного понимания права как противоречивого, сложнейшего социального явления» с описанием лишь одной из 57 граней бриллианта, тогда как остальные 56 «упускаются из виду»².

На круглом столе «Интегративное понимание права», проводившемся 13 февраля 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации³, идея этого образа была поддержана участниками обсуждения (С. Н. Бабурин, А. А. Головина), а сам он был даже развит: предложено рассматривать право не с позиции граней бриллианта, а его (бриллианта) агрегатного состояния — твердого (право воплощено в четкой системе формально закрепленных норм) или газообразного (правовые нормы могут содержаться и в законе, и в судебном решении, и в абстрактных принципах свободы, равенства, справедливости и т.п.)⁴.

Такой *образный* подход в попытке найти верную методологию для решения вопроса правового понимания, при всем том что любые сравнения условны и страдают неточностью, представляется нам весьма полезным, а понятия «образ» и «образность» в рассматриваемом контексте могут носить не только некий переносный смысл. При внедрении ИТ, решении задач развития искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI) и построения универсального искусственного интеллекта (artificial general intelligence, AGI), в частности реализации функ-

ций машинотечения (машиноисполнения) права, невозможно ограничиваться обработкой *данных*⁵, полученных лишь на *понятийном* (рациональном) уровне — уровне *право-понимания*. Обозначенная задача требует учета фактора метафизичности права, принятия во внимание *иррационального* (в частности, *интуитивного* и *чувственного*) уровня восприятия права человеком и *машиной*⁶, притом само *право*, как явление многомерное, необходимо рассматривать в нескольких измерениях.

Таким образом, извечный вопрос о *право-понимании*, в том числе и под влиянием темы цифровой трансформации, перерастает в вопрос о некоем едином процессе *правовосприятия*, включающем *правовую интуицию* (*предчувствие* права), *право-чувствие* и, наконец, традиционное *право-понимание*.

В качестве опыта нахождения методологического подхода к названным уровням *правовосприятия* в контексте цифровой трансформации мы предлагаем другое, нежели «право как бриллиант», сравнение, основанное не только на некоем, пусть и удачном, образе, дающем представление о проблеме, а на самом физиологическом процессе зрительного восприятия человеком действительности. Речь идет, с одной стороны, о попытках описания мастерами древней и средневековой живописи пространства и об особенностях применения ими для этого художественных приемов⁷, а с другой — о выработке методологии, дающей подходы к

типы понимания права имеют равновеликую ценность, при этом ни один из них не может быть признан единственно верным или главенствующим, также принципиально невозможна интеграция типов правового понимания, поскольку в этом случае совмещенные типы понимания права теряют свою идентичность» (Спиринов М. Ю. Глоссарий // URL: https://urlife.pro/wp-content/uploads/2017/10/otp_glossary.pdf (дата обращения: 17.04.2022)).

² Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть компрекенная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 6.

³ Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33–45.

⁴ Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Указ. соч. С. 44.

⁵ «Данные — информация, представленная в виде, пригодном для обработки автоматическими средствами при возможном участии человека» (п. 1 приложения № 1 ГОСТ 15971-90 «Системы обработки информации. Термины и определения» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015664> (дата обращения: 29.12.2021)).

⁶ «Машина — совокупность технических средств, предназначенных в процессе их целенаправленного применения для достижения установленных результатов» (ст. А.10 (приложение А) ГОСТ Р 43.0.2-2006 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Термины и определения» // URL: <http://gost.ru> (дата обращения: 29.12.2021)).

⁷ Прежде всего имеется в виду известная работа академика Б. В. Раушенбаха (см.: Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов. М.: Наука, 1980). По данной тематике известны работы, посвященные обратной перспективе (П. Флоренский), перспективе как «сим-

решению задачи машиночтения (машиноисполнения).

2. Машиночтение и машиноисполнение права: сущностный аспект. Прежде чем обра-

титься непосредственно к описанию предлагаемого нами подхода, следует определиться с самими понятиями «*машиночтение*» и «*машиноисполнение права*» (см. табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1

Машиночтение права

Машиночтение права (в собственном, широком смысле)	Машиночтение права (в узком смысле, то есть машиночтение закона)
Обработка (в том числе восприятие, перевод, изложение) <i>машиной</i> (при возможном участии человека) <i>данных о знаках различных знаковых систем, которые охарактеризовывают онтологию права, закона и иных значимых регуляторов общественных отношений и с помощью которых описывается (в которых отражается) правовая, а также связанная с ней реальность</i> , включая виртуальную (в том числе содержание актов машиночтения)	Обработка (в том числе восприятие, перевод, изложение) <i>машиной</i> (при возможном участии человека) <i>данных о знаках различных знаковых систем, которые охарактеризовывают онтологию права, закона и иных значимых регуляторов общественных отношений и с помощью которых описывается (в которых отражается) сущность предписаний норм права и/или иных норм</i> , значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения

Таблица 2

Машиноисполнение права

Машиноисполнение права (в собственном, широком смысле)	Машиноисполнение права (в узком смысле, то есть машиноисполнение закона)
а) <i>проверка машиной</i> (при возможном участии человека) <i>соответствия данных о знаках различных знаковых систем, которые отражают конкретные факты правовой, а также связанной с ней реальности, включая виртуальную, данным о знаках различных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания права, и/или соответствия данным о знаках определенных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания норм права и/или предписания иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения;</i> б) <i>непосредственное исполнение машиной</i> (при возможном участии человека) <i>предписаний права или исполнение предписаний норм права и/или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения</i>	а) <i>проверка машиной</i> (при возможном участии человека) <i>соответствия данных о знаках различных знаковых систем, которые отражают конкретные факты правовой, а также связанной с ней реальности, включая виртуальную, данным о знаках различных знаковых систем, которые описывают (отражают) предписания норм права и/или предписания иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения;</i> б) <i>исполнение машиной</i> (при возможном участии человека) <i>предписаний норм права и/или иных норм, значимых для регулирования общественных отношений, содержащихся в акте машиночтения</i>

волической форме» (Э. Панофски), языку живописного произведения (Л. Ф. Жегин), семиотике иконы (Б. А. Успенский), линейной перспективе в искусстве и зрительном восприятии реального пространства (А. В. Бакушинский). Имеется обширный список специальной литературы, посвященной более общим вопросам зрительного восприятия: проблемам психофизики восприятия пространства (Ф. Кликс), искусству и визуальному восприятию (Р. Арнхейм), динамике зрительного восприятия (В. А. Барабанщиков), психологии пространственного восприятия (А. И. Миракян), функциональной структуре перцептивных процессов (Б. М. Величковский), взаимодействию работы глаза и мозга (Р. Л. Грегори), информационному подходу к изучению представления и обработки зрительных образов (Д. Марр), соотношению чувственного и рационального при изучении восприятия движения (А. И. Миракян, В. И. Панов) и др.

Ряд комментариев к предложенным определениям:

1. Право рассматривается нами в контексте юридического подхода к правопониманию. С точки зрения исследуемой проблематики в самом общем виде *право* видится в парадигме *культура — право — закон*. В таком случае *культура* содержит некий *extractum* (лат.) основных ценностей определенного социума (нации), которые требуют охранения *правом* и должны быть защищаемы *законом* как адекватно *воплощенным правом*, при этом сама культура находится в контексте парадигмы *традиция (премодерн) — модерн — постмодерн (постпостмодерн)*.

2. Если основываться на том посыле, что «все есть текст», а «внетекстовой реальности вообще не существует» (Ж. Деррида)⁸, то верно и утверждение «все есть знак», и даже сам человек. «Ибо, если каждая мысль — это знак, а жизнь представляет собой цепь мыслей, то связанные друг с другом, эти факты доказывают, что человек есть знак...» (Ч. С. Пирс)⁹. Представляется, что тематику машиночитаемого права необходимо рассматривать в контексте семиотической парадигмы со знаками различных знаковых систем, включая знаки, официально определенные законодателем (например,

знаки естественного — человекочитаемого — языка), с помощью которых в *актах машиночтения*¹⁰ фиксируются *нормы права*¹¹ и/или иные нормы, значимые для регулирования общественных отношений¹².

Однако знаки фиксируют не только нормы права и/или иные значимые регуляторы общественных отношений, но и право как часть культуры во всех его (права) проявлениях, и всю правовую¹³, а также связанную с ней реальность, включая виртуальную. Реальность познается, ощущается (чувствуется) посредством как рациональных, так и иррациональных механизмов восприятия, при этом и сам разум является носителем иррационального¹⁴.

Именно знаки различных знаковых систем и охарактеризовывают онтологию права и иных значимых регуляторов общественных отношений.

Когда речь идет о «данных о знаках официально *определенных* законодателем знаковых систем», под определенными подразумеваются знаковые системы, с помощью которых в актах машиночтения фиксируются нормы права и/или нормы иных значимых регуляторов общественных отношений (в настоящее время это естественный — человекочитаемый — язык).

⁸ В разных интерпретациях данный тезис поддерживается и другими авторами: «всякий текст есть междутекст по отношению к другому тексту» (Р. Барт), «все элементы культуры есть текст» (Ю. Н. Караулов), а сама культура в целом «может рассматриваться как сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в тексте”» (Ю. М. Лотман) и т.п.

⁹ Цит. по: Бенвенист Э. Общая лингвистика // URL: <https://classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/v.htm> (дата обращения: 17.12.2021).

¹⁰ Под *актами машиночтения* понимаются акты (документы), оформленные в соответствии с установленным порядком, содержащие нормы права (нормы иных значимых регуляторов общественных отношений) и составляющие предмет машиночтения.

¹¹ *Норма права* рассматривается здесь в традиционном понимании, как «общеобязательное формально определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников» (С. С. Алексеев).

¹² С учетом роста значимости для нормативного регулирования таких, например, видов норм, как технические и этические, а также тесной связи соответствующих норм с правовыми, полагаем необходимым отнести соответствующие регуляторы к объектам машиночтения и машиноисполнения (далее — иные значимые регуляторы общественных отношений).

¹³ Как справедливо отмечает Ю. А. Веденеев, «правовая реальность — сложное явление, соединяющее в себе языковые, культурно-исторические и политические практики производства и воспроизводства права. Это совокупность правовых идей и понятий, правовых ценностей и ориентаций, обеспечивающих процесс социального общения» (Веденеев Ю. А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex russica. 2015. № 5. С. 7).

¹⁴ Гегель утверждал: «...то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности...» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1974. Т. 1 : Наука логики. С. 416–417).

3. *Обработка данных о знаках* включает в себя ряд функций (этапов). В определении перечислены лишь некоторые из них (восприятие, перевод, изложение). Так, *восприятие* данных возможно рассматривать как обнаружение и различение (*перцептивная функция*), идентификацию и опознание (*опознавательная функция*). Указанные процессы по-разному трактуются наукой и являются не вполне изученными. Поэтому перечисленные нами в предложенном определении этапы *процесса восприятия* весьма условны и дают скорее лишь некое направление для дальнейшего уточнения сущности и особенностей указанных функций применительно к процессам машиночтения.

Как уже было отмечено выше, представляется очевидным, что при условии постановки задачи машиночтения (машиноисполнения) права невозможно ограничиваться информацией лишь на *понятийном* (рациональном) уровне, что требует учета *интуитивного* и *чувственного* (иррационального) уровней восприятия.

В литературе предлагается термин «*машинное восприятие*», которое определяется как «способность системы получать и интерпретировать данные из внешнего мира аналогично тому, как люди используют чувства»¹⁵. Соглашаясь с авторами в части необходимости использования машиной «чувственного» восприятия, полагаем, что термин «*интерпретация*» (лат. *interpretatio* — «разъяснение, истолкование») не дает исчерпывающего описания всех уровней (стадий) восприятия.

4. Под *онтологией права*¹⁶, *закона* и *иных значимых регуляторов общественных отношений* подразумевается, в частности, совокуп-

ность свойств, характеризующих соответствующие регуляторы в различных контекстах и с позиции существующих представлений о них — как в их историческом развитии, так и в актуальном состоянии.

Иными словами, это *данные*, которые отражают «все о праве», «все о законе» и «все об иных значимых регуляторах» в историческом измерении, динамическом состоянии с позиции различных областей знания, закрепленные в реальности совокупностью знаков различных знаковых систем. Это реализация подхода, присущего философскому представлению о праве и иных значимых регуляторах, сориентированному «на изучение самой жизни в ее многообразных социальных фактах, включая в том числе и мнения, и идеалы, и законы — весь опыт во всем его многообразии, включая как чувственное, так и интуитивное восприятие»¹⁷.

5. В контексте парадигмы юридического типа правопонимания возникает вопрос о потенциальной способности машины воспринимать все, связанное не только с *законом* (например, чтение текста закона), но и с *правом*. В случае признания для машины такой перспективы в качестве реальной, означающей, в сущности, возможность создания универсального искусственного интеллекта (AGI), определяемого еще как *сильный* (strong), способного решать фактически любые задачи, относящиеся к категории интеллектуальных, следует сделать вывод о том, что машина будет обладать свойством восприятия правовых и связанных с ними явлений реальности на уровне *правовой интуиции* (*пред-чувствия права*)¹⁸, *правочувствия*¹⁹ и *правопонимания*.

¹⁵ Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. М. : Проспект, 2021. С. 21.

¹⁶ Согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 № 31), онтология машиночитаемого права — это «описание на формальном языке множества объектов (сфер применения машиночитаемого права, субъектов правоотношений, сделок и т.д.) в области права и связей между ними» (см.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 29.12.2021)). Полагаем, что наряду с «объектами» и «связями между ними», в онтологию должны входить и *процессы*, происходящие при осуществлении таких связей, которые фиксируются (отражаются) в реальности в виде знаков различных знаковых систем.

¹⁷ Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Избранное последнего десятилетия. М. : Норма, 2020. С. 96.

¹⁸ Это некая способность *под(над)сознательно* отличить правовое от неправового, это некое «чутье к правовому».

¹⁹ Это способность воспринимать правовые явления с помощью органов чувств (как пример чувственного познания реальности), но это и нечто большее. М. В. Пименова отмечает: «Чувство в русском... — это и

Достижимость способностей машины такого уровня — вопрос дискуссионный. В таком случае она будет обладать компетенциями законодателя, не только верно «чувствующего» право, но и адекватно воплощающего его в законе, то есть даже превосходить в этом отношении реально проявляющиеся ныне возможности человека.

6. В части функции *машиноисполнения права* (в широком смысле) машина, в случае наличия у нее потенциала AGI, должна будет обладать способностью (при возможном участии человека) непосредственно исполнять предписания не просто *закона* (нормативных правовых актов), но самого *права*. Гипотетически допустим, что неправовой закон машина будет как минимум маркировать, а в своем максимуме — прямо исполнять не просто *законное*, но именно *правовое* предписание.

Данный вариант развития событий возможно считать неким замятинско-оруэлловским сюжетом, а любые рассуждения по этому поводу — лишенным оснований фантазированием. Однако поскольку стремление к созданию AGI — не домыслы фантастов, а научно-практическая задача, которая ставится вполне определено²⁰, необходимо прорабатывать такую перспективу развития технологий.

3. О корректности выработки методологии машинного восприятия права с использованием знания о применении художественных приемов в древней и средневековой живописи. Предлагаемое нами сравнение (с одной стороны, подход к восприятию права на интуитивном, чувственном, понятийном уровне, с другой — применение художественных приемов в древней и средневековой живописи) может показаться неуместным. Однако данное сравнение, по нашему мнению, является вполне корректным не только в смысле обозначения самого подхода к праву как объекту исследования в его общем — познавательном — контексте (включая фактор междисциплинарности и использование методов, методологий различных областей знания), но и в смысле рассмотрения процессов восприятия

проявлений права как специфического объекта в сугубо физиологическом (для человека) и технологическом (для машины) контексте, что особенно важно для обеспечения функций машиночтения и машиноисполнения.

Обоснованность предлагаемого сравнения подтверждается, в частности, следующим. Академик Б. В. Раушенбах, занимавшийся вопросами стыковки космических аппаратов и зрительно-умственного восприятия²¹ этих процессов человеком, свои выводы, касающиеся физиолого-технологического аспекта, соотносил с процессами восприятия и передачи объективного пространства в живописи (иконописи). И это было не просто некое образное сравнение разнопорядковых явлений. Ученый рассматривал эти два процесса как единый процесс зрительного восприятия человеком отдельных фрагментов реального мира.

Ставя под сомнение корректность приводимого нами сравнения, возможно утверждать, что само изображение на плоскости включает в процесс восприятия лишь зрение, тогда как право *предчувствуется* — интуитивно, *ощущается* — всечувственно и *осознается* — понятийно, а зрение задействовано лишь при чтении (например, текста нормативного правового акта).

Это не совсем так. Поскольку человек большую часть информации о мире получает посредством зрения, то неудивительно, что многое из того, как оно (право) воплощается в реальной действительности, мы именно *видим* в буквальном смысле слова. То же самое касается и машины: технологии машинного зрения (machine vision, MV), обеспечивающие реализацию отдельных функций правоприменения (например, дорожные и уличные камеры), хотя и являются пока весьма упрощенным подобием человеческого зрения, применяются достаточно активно уже сейчас. И нет сомнений, что данные технологии будут развиваться.

Но здесь важно другое. *Увиденное* есть лишь стимул для того, чтобы вызвать в нас (в человеке) или в *машине* (sic!) соответствующие чувства, эмоции и т.п., в частности пробудить

состояние, и восприятие, и ощущение, и характер, и сознание, и эмоции, и этика» (Языковые основы русской ментальности : учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. 5-е изд., стер. М. : Наука, 2017. С. 82).

²⁰ Другой вопрос — потенциальная возможность решения такой задачи, а главное — *целесообразность* (sic!) самой ее постановки.

²¹ «Зрительное восприятие является сложным процессом, в основе которого лежит согласованная работа глаза и мозга. В результате этой работы возникает видимый образ созерцаемого предмета...» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 52).

то, что называется *чувством справедливости*, *чувством правды*, что в конечном счете, собственно, и можно назвать *чувством права* в некоем субъективном представлении о таковом, заставляя сопоставить наши (человека) или машины представления о *правовом* и *неправовом* с реально происходящим — *увиденным (про-чувствованным)*. Работа глаза и мозга не ограничивается получением информации о лишь *увиденном*, она не останавливается на этом: в эту работу включаются одновременно и интуиция, и чувства, и радио-механизмы познания.

То же и в живописи: само изображение (пейзаж, портрет и т.п.) является лишь стимулом для воспроизведения в сознании и под-сознании соответствующей части реального мира (природы, человека и т.п.). Мозг (посредством подключения интуиции и чувств, а также с использованием рационального аппарата) *дорисовывает* то, что в его представлении и есть объективная реальность, применительно к фрагменту «действительности», изображенному художником, мозг дополняет существующую в сознании реципиента «реальность», вызывая к тому же комплекс ассоциаций, эмоций, образов, воспоминаний и т.п. Одна из задач искусства, вероятно, в этом и состоит — вызвать эти самые эмоции, образы, ощущения и т.п.

Существует и обратная связь, когда полученная не с помощью зрения информация также стремится быть восполненной мозгом в недостающих фрагментах и может вызывать у реципиента определенные, в том числе и *визуализированные*, образы.

Объект воспринимается посредством *образов*, а не только *понятий*, когда та или иная информация, неважно какими органами чувств воспринятая, и не имеет значения, по каким каналам поступившая, вызывая определенные ассоциации (эмоции, ощущения, воспоминания и т.п.), дорисовывает в сознании реципиента «действительность», пусть и субъективно представляемую, как правило, неполную, иска-

женную, иногда кардинально противоречащую объективной действительности, но неизменно стремящуюся посредством работы мозга (интуиции, чувств, сознания) быть заполненной данными о ней. А с учетом задач машиночтения (машиноисполнения) права аналогичные процессы должны быть смоделированы с помощью ИТ для машины.

Таким образом, знание того, как и с помощью каких художественных средств описания объективной действительности на полотне (или божественных образов на иконе) добивались древние мастера того, чтобы вызвать у зрителя определенные ассоциации, чувства, эмоции, может быть бесполезно для выработки методологии правовопонимания, адекватной для реализации функций машиночтения и машиноисполнения права.

4. Понятие vs образ: в поиске методологии машинного восприятия права. В рамках дискуссии о правовопонимании представителям интегративного подхода ставится в вину то, что ими так и не выработано понятия права²². В этой связи необходимо дать ответ на вопрос о том, является ли достаточным условием для реализации функций машиночтения и машиноисполнения права выработка лишь только адекватного *определения права*, то есть описания права на понятийном уровне.

Если исходить из того, что «особая природа нашего рассудка состоит в том, что он мыслит все дискурсивно, то есть посредством понятий»²³, а «современное понятие образуется путем устранения образности из образного понятия»²⁴ и, следовательно, понятие — «это своеобразная схема реальности, *лишенная* (выделено мной. — С. Г.) многих качеств и признаков самой реальности»²⁵, то, во всяком случае, для решения задач машиночтения (машиноисполнения) права попытка найти некое обобщающее, исчерпывающее определение права, по нашему мнению, априори не приведет к ожидаемому результату.

²² См., например: Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 8.

²³ Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1963. Т. 4. Ч. 1. С. 155.

²⁴ В. В. Колесов объясняет: «Например, признак скорости в каждом случае имел (в Древней Руси. — С. Г.) видовое отличие, можно было сказать *борзый конь*, *быстра реченька*, *ясный сокол*, *скора ящерка* и т.д., но невозможны комбинации типа *скорая реченька*, *ясная ящерка*, *быстрый сокол* и т.п. Устойчивые сочетания двух слов представляли собой *образное понятие*, эквивалентное современному понятию «скорость»» (Колесов В. В. Основы концептологии. СПб., 2019. С. 497).

²⁵ Колесов В. В. Основы концептологии. С. 497.

Речь идет об утрате определенных признаков реальности, а значит, о потере части данных о реальности.

Здесь необходимо не просто *понятие*, и даже не *образное понятие*, а адекватное (достоверное, полное и актуальное для определенных исторических периодов и современности) описание права как объекта с помощью всего многообразия знаков (данных о знаках), воспринимаемых *интуитивно (пред-чувственно)*²⁶, *чувственно* и осознанных на *понятийном уровне*.

Есть два пути, говорит русист, специалист в области русской ментальности В. В. Колесов, — *логико-терминологический* и *образно-символический*, которые ведут в первом случае к однозначности с его «поверхностным знанием», а во втором — к многозначности несводимых к общему виду значений — «глубинному смыслу». В отличие от языков западных, утверждает автор, русский выбрал второй путь²⁷. В свою очередь, язык стремится вести по «своему пути» и его (языка) носителей.

Полагаем, что идти лишь по *логико-терминологическому, рациональному*, если угодно — «безобразному»²⁸ пути познания и пытаться найти только лишь в *определениях права* то, «что оно и есть» для решения задачи машиночтения (машиноисполнения) права, — мало-перспективно.

В попытке обозначить продуктивный методологический подход к решению проблемы правовосприятия в контексте машиночтения (машиноисполнения) права на *образном* как раз и следует остановиться особо.

5. Применение художественных приемов в древней и средневековой живописи. Весьма часто эклектичность икон (когда совмещаются элементы прямой²⁹, обратной³⁰ перспективы и аксонометрии³¹) или, например, наивная геометричность древнеегипетских рисунков³² объясняется тем, что древние иконописцы и художники просто не знали законов прямой перспективы.

В действительности это не так. По выводу Б. В. Раушенбаха, данный вид перспективы был известен, но задачей живописи было «в какой-то мере бесстрастное сообщение некоторой объективной (или считавшейся объективной) информации»³³, это была попытка сообщения «зрителю максимума информации об изображаемом предмете, даже за счет нарушения правильности перспективы»³⁴. Древний художник пытался передать и видимую, и объективную геометрию одновременно.

Учитывая, что тип обратноперефективных построений является наиболее бросающейся

²⁶ Небезынтересно в этом отношении мнение об интуитивном выдающихся русских философов: «Дискурсивное мышление есть царство середины, никогда не начало и не конец. Концы и начала всегда взяты в интуиции» (Бердяев Н. А. Смысл творчества. Париж, 1985. С. 64); «Мы ничего бы не знали. Если бы все не предчувствовали» (Розанов В. В. Последние листья. М., 2000. С. 24).

²⁷ Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. С. 413.

²⁸ Обратим внимание: здесь при смене ударения присутствует некая *jeu de mots* (фр.) — «игра слов», весьма символичная.

²⁹ Изображение объекта с позиции неподвижной точки зрения и имеющее единую точку схождения на линии горизонта; объект как бы уменьшается по мере отдаления от реципиента.

³⁰ Обратная перспектива отличается от линейной тем, что отображает объект таким образом, что он уменьшается по мере приближения к реципиенту, давая возможность видеть объект одновременно с нескольких точек зрения.

³¹ Аксонометрией называется система построения перспективы, в которой «сохраняется свойство параллельности прямых линий» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 56).

³² «Геометрической основой пространственных построений древнеегипетского искусства, — отмечает автор, — были математически обоснованные чертежные методы; эти методы свободно трансформировались, не меняя своего существа. Древнеегипетские художники вовсе не стремились к рисунку (передаче перцептивного пространства), а совершенно сознательно предпочитали изображать объективное пространство...» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 41).

³³ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 40.

³⁴ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 127.

По мнению автора, «снихождительные интонации по отношению к средневековому художнику» неуместны, а, например, «в произведениях Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия и близких им художников логически безупречные композиции на тему «Успение» вызывают и сейчас, — утверждает выдающийся физик, — ощущение математически строгого построения своей внутренней непротиворечивостью» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 155).

в глаза особенностью иконописи, приведем некоторые из объяснений причин использования обратной перспективы древними иконописцами.

В частности, это причины, основанные на физиологической особенности зрительного восприятия: на близком расстоянии предметы видятся именно в обратной перспективе (В. Б. Раушенбах); «точка зрения подвижна» (Л. Ф. Жегин); «человеческое зрение обладает фактической бинокулярностью» (А. В. Бакушинский) и др.

Другое объяснение: иконописец стремится одновременно и дать «тебе смотреть на икону» (это обеспечивает *прямая, линейная перспектива*), и дать «иконе (sic!) смотреть на тебя», и это есть некая «перспектива общения», когда лучи сходятся не «от зрителя», а «к зрителю» (И. К. Языкова); икона писана как бы с точки зрения визави, который мыслится помещенным в глубину иконы (О. Вульф, Б. А. Успенский).

Распространены мнения о том, что с помощью обратной перспективы подчеркивается особость, ирреальность и сакральность изображаемого на иконе, что обратная перспектива применяется с целью повысить уровень информативности об объекте (объект виден с разных сторон (ракурсов) одновременно) и др.

В более поздние исторические периоды мастера эпохи Возрождения, подчеркивающие изображение глубины (длинные коридоры, уходящие вдаль ряды колонн и т.п.), тем самым «воспитали зрителя», приучив его к линейной перспективе как единственно правильной, что и привело к ее фетишизации, «особенно вредной»³⁵. Б. В. Раушенбах, говоря об ошибочности оценки средневекового искусства как несовершенного и наивного, отмечал, что таковая приводит либо к неоправданной его апологетике, либо к принижению его достижений³⁶.

Нечто аналогичное, по нашему мнению, происходит и в области правопонимания. Наряду с фетишизацией какого-либо одного из подходов правопонимания в лагере его сторонников, в

другом наблюдается недооценка значимости такого подхода.

В древней живописи (иконописи) присутствует стремление показать объективную картину фрагмента действительности не только как некоего видимого глазом пространства (части реального), ограниченного размерами изображенного на полотне (и это, в том числе), но и вызвать определенные ассоциации, чувства, эмоции и т.п., позволяющие ощутить изображаемую действительность в наибольшей полноте, включая задачу по передаче особых *духовных* смыслов.

Выделим лишь несколько из использованных древними художниками и иконописцами приемов:

- а) изображение каждого из объектов с позиции определенных только для них (объектов) точек зрения³⁷;
- б) использование чертежных методов (условные повороты плоскостей проекций, сечение и развертка объекта, сдвиги, разномасштабность объектов, знаковый характер изображения и др.);
- в) использование различных способов изображения отдельных предметов и фигур (причем часто одновременно) и в прямой, и в обратной перспективе, и в аксонометрии (ортогональной проекции), а также в «жесткой перцептивной системе перспективы»³⁸;
- г) стремление «поместить» зрителя в контекст, сделав его участником изображаемого на полотне, и тем самым построить некое единое диалогическое пространство;
- д) попытка передачи «четырёхмерности пространства»³⁹, то есть изображения объекта как существующего не в традиционных *трех*, а в *четырёх* измерениях.

Таким образом, наблюдается стремление древних мастеров к передаче максимума информации об объекте как на рациональном (*понятийном*), так и на иррациональном (*интуитивном, чувственном*) уровнях с включением зрителя в диалог. Притом предполага-

³⁵ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 65, 79.

³⁶ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 79.

³⁷ Отдельные предметы и фигуры изображены каждый с определенной (своей) точки зрения, в отличие от традиционно принятого приема, когда все изображенное на полотне демонстрируется лишь с одной — и единственной — точки зрения.

³⁸ Показано Б. В. Раушенбахом на примере пейзажной живописи Сезанна (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 215–232).

³⁹ Здесь важны размышления Б. В. Раушенбаха о том, что если традиционно *четвертое измерение пространства* понимается как *время* (в парадигме «пространство — время», по Г. Минковскому. — С. Г.), то «здесь

ется, что сам объект находится в некоей многомерности.

6. Цифровая трансформация: в поиске многомерности права. Полагаем, что при разработке методологии машиночтения права и построении теоретических и утилитарных моделей машинного восприятия права следует не только основываться на механизмах рационального познания правовой действительности, но и, подобно практикам древнего художника, стремиться воспринимать и передавать информацию об объекте одновременно на иррациональном (интуитивном, чувственном) и рациональном (понятийном) уровнях.

Необходимо учитывать то, что право, как явление социокультурное, само являясь многомерным, живет в нескольких измерениях. Полагаем, что многомерность прежде всего и отражается в интуитивном и чувственном, а стремление использовать интуитивное и чувственное есть способ ощутить эту самую многомерность.

Необходимо отметить, что тема многомерности, которая весьма часто воспринимается лишь как удел фантастов (А. Азимов, А. Кларк, Ф. Пол, Г. Уэллс и др.), живописцев (Г. Аполлинер, Х. Грис, Ж. Метценже, П. Пикассо и др.) или оккультистов и эзотериков (*nomen illis legio* (лат.) — «имя им — легион»), была предметом внимания выдающихся представителей физики и математики (Р. О. Бартини, Д. Беннетт, Д. Бобылев, В. Вебер, Д. Данн, Б. Рима, Ч. Хинтон, А. Эйнштейн и др.) и приобретает все большую актуальность.

Подобно тому как «дальнейший прогресс человеческого познания будет связан с овладением понятием объективной размерности мира» (Р. О. Бартини), качественный шаг в познании правовых явлений, по нашему мнению, связан с осознанием и изучением их многомерности. В контексте процессов цифровой трансформа-

ции правоведы должны идти к постановке проблемы правовосприятия и системному ее изучению с учетом фактора многомерности правовой реальности и самого права, при этом исследуя проблему на междисциплинарной основе и не стремясь намеренно ограничиваться рамками какой-либо одной конкретной теории правопонимания. Данную тематику следует рассматривать, учитывая различные подходы и всевозможные достижения классической и современной философско-правовой мысли (методологии классической и постклассической науки), и делать это нужно на основе «междисциплинарного синтеза естественно-научного, гуманитарного, социального знания» (Е. Н. Яркова). Цифровая трансформация в этом отношении является триггером данного процесса. И в то же время она даст дополнительный инструментарий для изучения данной проблематики.

Если древние иконописцы путем одновременного сочетания прямой (линейной), обратной перспективы и законов аксонометрии в высочайших образцах уровня Рублева и в иных примерах попроще могли или как минимум пытались передать на плоскости иконной доски многомерность пространства и «триипостасность Божественного»⁴⁰, то мы применительно к праву как к *многомерному* явлению нередко считаем возможным ограничиваться лишь трехмерной или даже двухмерной логикой, помещая право в контекст какой-либо одной конкретной теории.

Авторы близкого нам компрекендного подхода к познанию права утверждают, что «как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть, удивительном для нас всех»⁴¹.

Полагая, что количество определений само по себе вряд ли даст новое качество, а право-

рассматривается случай, когда существуют четыре пространственные координаты, а время (если его тоже интерпретировать как некую координату) будет уже пятой». И поскольку «переход к трем измерениям дает новое качество — объем, поэтому и обращение к четырехмерному пространству должно дать следующую, не обладающую для нас наглядностью, четвертую ступень в качественно усложняющемся ряду...» (Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 150). Кстати, развертка «древнерусского пространства», данная на основе формы складня 1412 г. Б. А. Рыбаковым, такова: «широта — высота — глубина — длина» (Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. Кн. 4 : Мудрость слова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 346).

⁴⁰ Это стремление «выразить одновременность в Боге монады и триады» (Раушенбах Б. В. О логике триединости // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 166–169).

⁴¹ Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрекендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 4.

восприятие лишь в *понятийной* парадигме для функции машиночтения права малоперспективно, предположим, что корректно скомплектованные в некую структуру (модель) достаточные с точки зрения количественной и различные по своим видам данные о праве и правовой реальности как объекте машиночтения действительно позволят не только качественно приблизиться к рациональному пониманию права, но и получить способность интуитивно *предчувствовать* и чувственно

ощущать право конкретного социума. Повторим: именно это и необходимо для обеспечения функции машиночтения и машиноисполнения права (в широком смысле).

Предложенное нами не содержит претензии на нахождение единственно возможного подхода к выработке методологии машиночтения права, это лишь попытка обозначить один из путей поиска способов восприятия права в новой для него — *цифровой* — реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника : глоссарий понятий. — М., 2021. — 64 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества. — Париж, 1985. — 678 с.
3. Веденеев Ю. А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex russica. — 2015. — № 5. — С. 7–22.
4. Гегель Г. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. — Т. 1 : Наука логики. — М., 1974. — 452 с.
5. Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. — 2019. — № 4 (33). — С. 4–13.
6. Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. — 2016. — № 3. — С. 5–9.
7. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 1. — М., 1963. — 543 с.
8. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. — Кн. 4 : Мудрость слова. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 480 с.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2007. — 619 с.
10. Колесов В. В. Основы концептологии. — СПб., 2019. — 776 с.
11. Кузнецова Е. А. Информационные технологии в эпоху постмодерна : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — СПб., 2005. — 24 с.
12. Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Избранное последнего десятилетия. — М., 2020. — С. 93–107.
13. Раушенбах Б. В. О логике триединности // Вопросы философии. — 1990. — № 11. — С. 166–169.
14. Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов. — М., 1980. — 288 с.
15. Розанов В. В. Последние листья. — М., 2000. — 384 с.
16. Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 33–45.
17. Спирин М. Ю. Глоссарий // URL: https://urlife.pro/wp-content/uploads/2017/10/otp_glossary.pdf (дата обращения: 17.04.2022).
18. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. — 2016. — № 10. — С. 5–15.
19. Бенвенист Э. Общая лингвистика // URL: <https://classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/v.htm> (дата обращения: 17.04.2022).
20. Языковые основы русской ментальности : учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. — 5-е изд., стер. — М., 2017. — 136 с.

Материал поступил в редакцию 19 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Begishev IR, Hisamova ZI. *Iskusstvennyy intellekt i robototekhnika: glossariy ponyatiy* [Artificial intelligence and robotics: a glossary of concepts]. Moscow; 2021. (In Russ.).
2. Berdyaev NA. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Paris; 1985. (In Russ.).
3. Vedeneev YuA. *Pravovaya realnost: ontologiya i epistemologiya* [Legal reality: Ontology and epistemology]. *Lex russica*. 2015;5. (In Russ.).
4. Hegel GF. *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 1: Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 vols. Vol. 1: The Science of Logic]. Moscow; 1974. (In Russ.).
5. Zakhartsev SI, Salnikov VP. *Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava* [Theory of comprehend learns the law]. *Monitoring Pravoprimeneniya*. 2019;4(33):4-13. (In Russ.).
6. Zakhartsev SI, Salnikov VP. *Chto est komprekhendnaya teoriya prava?* [What is a comprehensive theory of law?]. *Legal Science*. 2016;3:5-9. (In Russ.).
7. Kant I. *Sochineniya: v 6 t.* [Essays: in 6 vols. Vol. 4. Part 1. Moscow; 1963. (In Russ.).
8. Kolesov VV. *Drevnyaya Rus: nasledie v slove: v 5 kn. Kn. 4: Mudrost slova* [Ancient Rus: heritage in the word: in 5 books. Book 4: The Wisdom of the Word]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ.; 2011. (In Russ.).
9. Kolesov VV. *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg; 2007. (In Russ.).
10. Kolesov V. V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. St. Petersburg; 2019. (In Russ.).
11. Kuznetsova EA. *Informatsionnye tekhnologii v epokhu postmoderna: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Information technologies in the postmodern era: Cand. Sci. (Philosophy)]. St. Petersburg; 2005. (In Russ.).
12. Lazarev VV. *Integrativnoe vospriyatie prava* [Integrative perception of law]. In: Lazarev VV. *Selected works of the last decade*. Moscow; 2020. (In Russ.).
13. Rauschenbach BV. *O logike triedinosti* [On the logic of the triune]. *Voprosy filosofii*. 1990;11:166-169. (In Russ.).
14. Rauschenbach BV. *Prostranstvennye postroeniya v zhivopisi: Ocherk osnovnykh metodov* [Spatial constructions in painting: An outline of the main methods]. Moscow; 1980. (In Russ.).
15. Rozanov VV. *Poslednie listya* [The last leaves]. Moscow; 2000. (In Russ.).
16. Sidorenko AI, Ibragimova YuE. *Integrativnoe ponimanie prava* [Integrative understanding of law]. *Journal of Russian Law*. 2017;7:33-45. (In Russ.).
17. Spirin MYu. *Glossary*. Available at: https://urlife.pro/wp-content/uploads/2017/10/otp_glossary.pdf (Accessed: 17.04.2022).
18. Cherdantsev AF. *Integrativnoe nedoponimanie prava* [Integrative misunderstanding of law]. *Journal of Russian Law*. 2016;10:5-15. (In Russ.).
19. Benvenist E. *General Linguistics*. Available at: <https://classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/v.htm> (Accessed: 17.04.2022).
20. Kolesov VV, Pimenova MV. *Yazykovye osnovy russkoy mentalnosti* [Linguistic foundations of the Russian mentality: studies. manual]. 5th ed. Moscow; 2017. (In Russ.).